

Обыкновенная Мемба

Автор:

Виталий Мелентьев

Обыкновенная Мемба

Виталий Григорьевич Мелентьев

Трое самых обычных школьников самым необыкновенным образом оказались участниками межгалактических приключений. Кто бы мог подумать, что самый обыденный просмотр телевизора обернется для них интересным путешествием. Воспользовавшись немудреным устройством собственного изобретения, как сказали бы сегодня – «гаджетом», главные герои в фантастическом волновом пузыре преодолели огромные расстояния, познакомились с очаровательными инопланетянами и... инопланетянками и, конечно, своими глазами увидели далекую, невероятную и загадочную планету – Мёмбу.

Виталий Григорьевич Мелентьев

Обыкновенная Мёмба

Мелентьев Виталий Григорьевич

1916-1984

Часть 1

Глава первая

НЕВЕРОЯТНЫЙ СТАРТ

В нашем старом доме Витя Насонов и Валя Наливайко жили на одной лестничной площадке. Они учились в одном и том же пятом классе «Б» и дружили еще с яслей. Их называли «дубль В» или «2Н», потому что они ходили вместе в школу или из школы, в кино или на каток. В остальное время, например на переменках или в выходные дни, они встречались только случайно, и поэтому никто не называл их женихом и невестой и не писал мелом на стене неприятные намеки: «Витя+Валя=любовь!»

В этот вечер они встретились совершенно случайно в булочной. Купили по батону и буханке «Орловского» и тихонько шли на свою лестничную площадку, обламывая краешки буханок.

– Ты что думаешь делать? – спросил Витя после того, как всё, о чем можно было поговорить, они уже обговорили.

– Не знаю... – пожала плечами Валя. – Делать-то нечего.

Делать действительно было нечего. Летние каникулы кончались, учебники для шестого класса, в основном, закуплены, тетради приготовлены, самописки заправлены.

В кино шли те картины, которые каждый уже смотрел и пересмотрел в лагере. Идти на реку купаться было уже поздно – августовское солнце скатывалось в леса. Двинуться в ближайший лес по грибы – бессмысленно, потому что шел воскресный день и горожане наверняка выбрали все грибы еще в субботу.

– Тогда пойдем к нам смотреть телевизор, – предложил Витя.

– Подумаешь! – вскинула голову Валя. – Как будто у нас нет телевизора.

– Так у нас же новый. С большим экраном. И – цветной!

И хотя в то время в нашем маленьком городке еще нельзя было увидеть не то что цветной передачи, но даже третьей программы, не говоря уж об остальных, и все смотрели только первые две, Валя подумала и согласилась. Она положила хлеб на столик в коридоре своей квартиры и пошла с Витей.

Но в Витиной квартире, у его папы, сидели товарищи и ожидали, когда начнется передача футбола. Как только Витя придвинулся к телевизору, папа обернулся и сказал:

– Слушай, парень, дай ты мне хоть в выходной день посидеть спокойно. – И, увидев Валу, добавил: – Вообще, ребята, погода такая замечательная, последние дни каникул, шли бы вы погулять.

Витя и Валя вышли на лестничную площадку. Валя вздохнула и сказала:

– Что ж... Пойдем тогда ко мне.

Но у Валиной мамы сидели соседка по нашему дому и соседка из дома напротив. Витя, конечно, поздоровался и остановился в дверях, потому что сразу понял: здесь тоже толку не жди.

Валя благовоспитанно спросила:

– Мама, можно включить телевизор?

– Не надоело? – спросила Валина мама. – Целыми вечерами торчите у телика, а теперь еще и в воскресенье пристраиваетесь? Дайте хоть поговорить.

– Прямо-таки беда с современными детьми, – сказала соседка из нашего дома. – Они думают только о себе и совершенно не думают о взрослых.

Ее взрослый сын плавал на корабле в далеких морях и почти не бывал дома. Откуда эта соседка знала, о чем думают современные дети – неизвестно.

– Это всё оттого, что мы их балуем, – печально вздохнула соседка из дома напротив, у которой никогда не было детей. – Вот когда мы были маленькими...

Валя переглянулась с Витей и сказала:

– Тогда мы пойдем гулять.

Но гулять они не пошли, потому что оба, как считали их родители, обладали очень неприятными характерами: оба были упрямы. «Если уж решат, что делать или не делать, так хоть кол у них на голове теши, – так говорил Витин папа, – а всё равно настоят на своем». Поэтому они поднялись на второй этаж к своему соученику Андрею Антонову или, как его называли в классе, «А в квадрате». С ним они дружили с детского сада. Именно из-за него эта троица из нашего дома алгебраически выглядела так:

$2H+A$

$= 7X$

Невероятный результат объяснялся невероятным характером Андрея. Он всегда чем-нибудь увлекался, и всегда его увлечения кончались либо печально, либо смешно, но он не терял ни бодрости духа, ни уверенности, что все неудачи проходящи, а успех когда-нибудь да появится. Нужно только искать и дерзать. С таким характером можно было попасть и на седьмое небо, но можно было провалиться и в седьмые тартарары.

Деятельный характер Андрея имел свои объяснения. Его отец и мать были очень добрыми людьми и ни в чем не стесняли своих детей. Наверное, поэтому у Андрея имелся старший брат, который служил в армии, старшая сестра, учившаяся в самой Москве, сестра поменьше и брат постарше – самый лучший человек на свете, потому что он умел делать приемники величиной с почтовую марку, ездить на мотоцикле по спортивному бревну, великолепно танцевать и

петь. Он был уже почти взрослый – на его подбородке росли три золотистых волосинки в шесть рядов и очень много рыжего пуха.

Когда Витя и Валя появились у Антоновых, Андрей лежал на тахте закинув ногу на ногу и крутил одной ногой обруч. Последнее время он очень любил цирк. Обруч крутился сам по себе, а Андрей читал вслух. Он всегда читал вслух, считая, что так лучше запоминается прочитанное.

Его сестра поменьше гладила белье и пела. Старший брат – тот, что помладше, – возился у телевизора и свистел. Так что всем сразу стало хорошо и весело.

– А-а, – засмеялся брат. – Академики пришли! Скоро в школу? Надоело гулять? Ну ладно... Я тут одну приставку к телевизору придумал, если получится, так мы будем смотреть даже Америку, а если нет – так... Москву по «Орбите» увидим.

И все стали ждать, пока Андреев брат приладит приставку к приемнику.

– Ты что читал? – спросил Витя у Андрея.

– Так... Кое-что научное...

– Интересно? – спросила Валя, чуточку потупилась и подалась к Андрею.

– Конечно! – Андрей крутнул обруч последний раз, он сорвался с ноги, упал на стол и сбил стакан с водой, которой сестра вспрыскивала белье. Сестра привычно сказала:

– Дурак. Ненормальный.

– Наплевать! Высохнет! – махнул рукой Андрей, вскочил с тахты и стал ходить по комнате, размахивая руками. – Ты только представь, – обратился он к Вале. – Оказывается, свет, а также радиоволны распространяются в пространстве со скоростью триста тысяч километров в секунду...

– Жуть! – передернула плечами Валя.

– Конечно! А в такси написано: «Скорость не выше шестидесяти километров в час». Представляешь? – спросил Андрей, останавливаясь возле Вали.

– Не-а, – помотала она головой. – Не представляю.

– Так это же очень просто. Это значит, что радиоволна... ну, вот хоть до этого нашего телевизора летит в... – Андрей запнулся и посмотрел на свою сестру. Но она уже не слушала младших, сушила утюгом мокрое пятно и пела. – В... в...

– Мы же этого всё равно еще не проходили, – сказала Валя. – И, значит, я этого не пойму и не представляю.

– Ну всё равно. Там написано, что до Луны – представляешь? – радиоволна или свет летит всего несколько секунд. Раз, два, три – и ты на Луне. Ходишь... прохаживаешься... А потом раз... два... три – и ты уже на Земле.

– Нет, – почему-то упрямо и обиженно сказал Витя. – Нет. Этого не может быть.

– Чего не может быть? – спросил Андрей.

– Прогуляться по Луне.

– Почему?

– А там воздуха нет.

– А... А зачем нам воздух? Ведь когда мы ныряем и плаваем под водой, мы можем не дышать по целой минуте! И мы можем ходить и даже бегать не дыша! – почти закричал Андрей и, увидев, что ему не очень верят, предложил: – А вот давайте попробуем. Ленка! – крикнул он сестре. – Считай!

Он вздохнул поглубже и, надутый и красный, стал расхаживать по комнате. Валя рассмеялась:

– Ой, какой ты чудной! – но тоже надулась и зашагала вслед за Андреем.

Вите не хотелось отставать, он тоже набрал воздуха и, стараясь не дышать, стал ходить за товарищами.

Минуту, конечно, они не продержались, но Лена все-таки досчитала до сорока пяти.

– Вот! Видите! Так это без тренировки! А потренировались и минуту походили б не дыша. А это значит, что если бы мы оседлали радиоволну или свет, то могли бы побывать на Луне, походить на ней и вернуться домой на одном дыхании.

Они потренировались еще пару раз, чтобы, в случае нужды, отправиться в путешествие на Луну хорошо подготовленными, но в это время Андреев брат крикнул:

– Ну вы, мастера безвоздушного спорта, садитесь к аппарату! Сейчас буду включать.

Ребята расселись у телевизора, а Лена сказала брату:

– Ты на всякий случай выключи люстру, а то опять все пробки пережжешь.

– Если перегорают пробки, то люстрам от этого ничего не делается. И потом, она выключена. Физику нужно учить, а не одни песенки.

Андреев брат включил телевизор. Он загудел, и экран озарился странным, неестественным светом: зеленым, оранжевым и голубым.

– Гм... – сказал Андреев брат. – Что-то не так... Вероятно, не хватает энергии... Впрочем, все включают телевизоры – скоро футбол.

И он нагнулся к регулирующему напряжению трансформатору и повернул ручку...

Что произошло в следующее мгновение – ни в тот момент, ни в последующие годы никто из троих толком рассказать не мог. Вокруг все завывало страшными, электронными голосами, заплясало ужасными земле- или, скорее, воздухотрясениями. Андрея, Витю и Валю подхватила какая-то огромная,

сверхракетная сила, вынесла из окна второго этажа и понесла прямо над городом, в небо.

А небо это оказалось тоже странным: только что было голубым и уже чуть розовым – приближалась вечерняя заря, – но вдруг превратилось в фиолетовое, потом черное, и на нем проступили огромные и очень яркие звезды с очень длинными, мохнатыми лучами. Эти лучи трепетали и переливались.

Но не это оказалось самым главным. Впереди, перед ребятами, мчался переливающийся всё тем же невероятным – оранжевым, ослепительно белым, голубым и зеленым – светом огромный пульсирующий шар. От него во все стороны, вверх и вниз, расходились странные, трепещущие, похожие на звездные, лохматые лучи. Они обтекали ребят со всех сторон, образуя прозрачную розоватую стену.

Таким образом, ребята оказались как бы в огромной светящейся бутылке. Пробкой этой бутылки оказался светящийся шар. От него вдоль стенок иногда проплывали переливающиеся пузырьки, как газ в прозрачной бутылке с вишневым напитком. Только газ в бутылке с вишневым напитком двигался обычно со дна к горлышку, а тут всё происходило наоборот. Пузырьки двигались от горлышка к доньшку, хотя самого доньшка никто так и не увидел.

Сзади курилось и переливалось нечто совершенно непонятное. Черно-светло-фиолетовое в зеленую и белую крапинку.

Всё в этой прозрачной бутылке было наоборот. От ее стенок веяло жаром, и ребята даже вспотели. Вернее, это, может быть, не был пот, а всего лишь испарина. Причем испарина довольно странная. Такая, какая бывает, когда крепко испугаешься. И всё, что заключалось в этой бутылке с гибкими розовыми стенками, не стояло на месте, а медленно передвигалось и как бы переливалось. Даже внутри у ребят тоже всё как будто переливалось, и сами они всё время медленно переворачивались и кружились.

Когда ребята стали приходить в себя от неожиданности и, главное, от очень трудного и потому страшного переливания чего-то в самих себе, Валя крикнула:

– Ой! Мне страшно!

Валин голос показался глухим и расплывчатым, словно это кричала не Валя, а кто-то другой, чей голос был записан на граммофонную пластинку или магнитофонную ленту. И вот когда эту ленту или пластинку запустили, радиолу или магнитофон вдруг заело, и вместо обычного звонкого Валиного голоса прозвучал басовитый, утробный мужской голосяще, да еще и странно растянутый.

Вот почему такой голос заставил мальчишек вздрогнуть и оглядеться. А когда они огляделись, то тоже испугались.

Оказывается, они плавали и кувыркались, как будто соринки в наполненной розовым бутылке. Андрей попробовал схватиться за Витю, но Витя, увидев, как плавают и кувыркаются Валя, прежде всего попытался помочь ей. Он поймал ее за самый краешек юбки и потянул. Втроем они опять закувыркались и поплыли к розовым стенкам гигантской бутылки, вдоль которых всё так же проплывали разноцветные пузырьки.

Розовые, вздрагивающие стенки показались очень недобрыми, даже опасными, и ребята, усиленно работая руками и ногами, отплыли к противоположной стенке. Но и эта стенка тоже была не лучше, и потому они поплыли назад.

Так повторялось несколько раз, пока, наконец, ребята не остановились как раз посреди бутылки и впервые за всё время вздохнули: от страха и неожиданности они сдерживали дыхание. И в этом, видимо, им помогала тренировка.

Воздух внутри бутылки оказался приятным, острым, как газированная вода или как воздух в лесу после грозы. Он пахнул озоном и еще чем-то, слегка горелым, но тоже приятным.

Валя посмотрела на ребят, и глаза у нее стали круглыми.

– Ой, какие вы страшные!

Мальчишки посмотрели друг на друга и промолчали. Они поняли, что красивыми их назвать, наверное, нельзя.

Круглое лицо Андрея вытянулось, стало неприятно розовым. Нижние веки и нижняя губа оттопырились и опустились. А вот темные, почти черные волосы, всегда тщательно прилизанные, почему-то встали торчком, и потому довольно симпатичное лицо Андрея показалось и Вале и Вите не слишком приятным.

В обычное время несколько вытянутое лицо Виктора теперь стало приплюснутым, отчего скулы на нем выступили острыми треугольниками, а глаза – серые, твердые – показались всем неестественно огромными и, главное, не серыми, как обычно, а розовыми, как у белых кроликов.

И даже Валя оказалась не красивей ребят. Ее очень милое, овальное лицо перекосилось куда-то на сторону, как в кривом зеркале, глаза превратились в узенькие щелочки. Уголок одного глаза смотрел вниз, и потому эта сторона Валиного лица казалась печальной. А уголок второго глаза подался вверх, и потому перекошенное лицо с этой стороны приняло надменное выражение.

Андрей похлопал верхними веками и прошепелявил:

– Я всё понимаю. Это у нас от космических перегрузок. Мы – в невесомости.

Он мог так говорить, потому что у него был очень умный брат и очень добрые родители. Они всегда покупали для него умные книжки, и он их постоянно читал.

Однако Витя тоже кое-что знал. Он смотрел взрослые телепередачи, ходил в кино и слушал радио. Кроме того, он читал книги и «Пионерскую правду» даже тогда, когда был еще октябренком. Вот почему он усомнился.

– Как же так? Если у нас перегрузки, да еще космические, так тогда не может быть невесомости. Одно из двух.

– Правильно! – сразу согласился Андрей и зашепелявил точно так, как только что шепелявил Витя. – Ты говоришь правильно. Что-то одно из двух. Либо космические перегрузки, либо невесомость.

– И потом, – басом шепелявил Витя, – откуда мог взяться космос? Мы ведь сидели на Земле.

– Верно говоришь, – кивнул Андрей и покрепче ухватился за Витю.

Бутыль с необыкновенными розовыми стенками заметно трянуло, она слегка изогнулась и как бы поплыла куда-то в сторону, но вскоре выровнялась и полетела дальше.

– Мальчики! – медленно и басовито не то закричала, не то запела Валя. – А мы, кажется, и в самом деле в космосе.

Сквозь просвечивающие стенки бутылки справа по курсу проплыла какая-то далекая не то планета, не то солнце – большой серо-буро-малиновый шар. Бутыль, которая, как видно, летела именно к этому шару, исчерченному ровными линейками-шрамами и с белой шапочкой на макушке, изменила направление и теперь двинулась к другой не то планете, не то солнцу. Оно маячило впереди и чуть левее по курсу полета.

Некоторое время мальчишки молчали. Сомнений, кажется, не было. Они и в самом деле очутились в космосе. Но как и почему – понять не могли, хотя бы потому, что несколько секунд, а может быть, и минут после телевизионного взрыва они ничего толком не видели и очень медленно соображали.

Нагрузки спадали, и их лица превращались в нормальные. Бульканье и перекачивание внутри тоже прекратилось, и тело постепенно становилось легким и незнакомым.

– Точно! – сказал Андрей своим нормальным голосом. – Мы в космосе.

– Но откуда же тогда взялись и перегрузки и невесомость? – запоздало удивился Витя.

– Наверное, так тоже бывает. Наука...

– А что же нам теперь делать? – спросила Валя.

– Не знаю, – честно признался Андрей.

– А кто же знает? – рассердилась Валя.

Андрей пожал плечами и чуть не отлетел в сторону – его подхватил Витя. Теперь он держал одной рукой Валю, а другой Андрея.

– Я ничего не понимаю, – сказал он, глубоко вздохнул и задумался. – Но раз мы дышим, то, значит, вокруг есть воздух. А наука говорит, что в космосе воздуха нет. Там – безвоздушное пространство.

– Точно! – сразу согласился Андрей. – Ты правильно говоришь. – И, подумав, поощрительно добавил: – Говори, говори, приводи примерчики.

Но примерчиков у Вити не было. И он замолк. Тогда спросила Валя:

– А это хорошо или плохо, что есть воздух?

– Н-не знаю, – ответил Витя. – С одной стороны, как будто хорошо. Мы ведь дышим. А с другой – плохо. Если мы летим в космосе и в то же время в воздухе, значит, мы сгорим.

– А зачем это мы будем сгорать? – опять рассердилась Валя, выдернула из Витиных рук подол своей юбки и поплыла к стенке розовой бутылки.

– Потому что по радио говорили, что ракетоносители, входя в околоземное воздушное пространство, обязательно сгорают! – прокричал ей вслед Витя и бросился ее ловить, таща за собой, как на буксире, Андрея.

– Правильно! Сгорают! – обрадовался Андрей. – Но ведь мы же не в околоземном пространстве, а в космосе. Значит, порядок! Значит, мы будем дышать и не сгорим.

Витя с большим трудом поймал Валю за косичку, легко подтянул к себе. Она и в самом деле ничего не весила. Общая невесомость...

– Надо нам связаться, – сурово сказал Витя. Он начинал понимать, что ему придется стать командиром. А становиться командиром ему не хотелось. Дело это хлопотное. И он сердито хмурился. – А то вы начнете разлетаться в разные стороны, а мне вас лови. Но чем связаться?

– Верно. Чем?

Ничего, чем можно было бы связаться, под руками не оказалось.

– А давайте волосами, – предложила Валя. – Невесомость же...

– Как это... волосами? – растерялся Андрей и погладил свою круглую голову с короткими волосами.

– А я сейчас сделаю, – сказала Валя. – Ты держи меня, а я из своих волос сплету веревочки.

Она не стала ждать общего решения и, морщась от боли, начала выдирать из косичек длинные волоски. Это значило, что в космосе и при невесомости человек ощущает боль так же, как и на Земле.

Ребята летели, разговаривали и осматривались. Валя плела веревочки из своих волос.

Странная, исчерченная полосками, серо-буро-малиновая планета уплыла куда-то в сторону, и Андрей отметил:

– По-моему, это был Марс.

– Какой Марс?

– Ну планета такая... На нее еще наши аппараты высаживались. «Марс-3», «Марс-4» и так далее. На ней тоже есть что-то вроде каналов-черточек. Да! По радио говорили. Сам слышал.

– Ты, как всегда, всё слышал, – капризно сказала Валя. – Или читал. Или тебе брат рассказал.

Правильно говоришь! – рассмеялся Андрей. – Ачто? Разве плохо?

– Ну, если ты всё знаешь, так куда мы летим и что с нами случилось?

– Не знаю, – весело пожал плечами Андрей и отлетел в сторону – Витя едва поймал его. – Ясно, что случилось необыкновенное. А раз необыкновенное, значит, и прилетим куда-нибудь в необыкновенное. Так что придется ждать.

Розовая невесомая бутылка опять изогнулась и пронеслась мимо второй не то планеты, не то солнца.

Теперь всё как будто стало на свои места. Лица у ребят стали нормальными, в теле уже не чувствовалось страшной тяжести. Валя сплела наконец первую веревочку и передала ее Вите. Тот привязал ногу беспокойного Андрея к своей ноге, вздохнул и произнес, кажется, самую длинную речь в своей жизни:

– Конечно, с нами произошло нечто совершенно необыкновенное. И конечно, мы находимся в космосе. Как и каким образом мы в нем очутились, еще не ясно. Но раз мы в космосе, нужно жить по-космически. На космических кораблях у всех свои обязанности. Давайте сделаем так, чтобы и у нас были свои. Ты, Андрей, наблюдай влево по курсу, а ты, Валя, вправо. А я буду смотреть вперед и назад. И всё, что заметим, доложим друг другу.

– А кто будет командиром корабля? – спросил Андрей.

– По-моему, – ответила Валя, – командир у нас уже есть. Это Витя. Пусть он и командует.

– Ладно. Значит, я наблюдаю вправо...

– Нет, Андрей. Ты наблюдаешь влево, а Валя вправо. Все вместе мы будем лететь и думать. Если что-нибудь придумаем, расскажем друг другу. Если будут вопросы – тоже спросим друг у друга. Ну, а потом...

Он смолк, потому что все обязанности оказались распределенными. А что произойдет потом, он не знал.

Путешествие продолжалось.

В КОСМИЧЕСКИХ БЕЗДНАХ

До сих пор никто так и не узнал, сколько времени и каким курсом летела компания ребят из нашего дома – экипаж непонятного, еще никем не виданного космического корабля.

Всё так же впереди маячил раскаленный шар. Он рассекал пространство и время, и, подчиняясь каким-то своим, особым законам и распоряжениям, он поворачивал то вправо, то влево. Иногда от него отрывались блестящие пузырьки и скользили по розовым стеклам назад. Всё назад и назад. Иногда этих пузырьков становилось больше. Это случалось в те минуты, когда небо за стенами неуловимо бледнело и зеленело. Огненный шар словно натыкался на полосу света далекой звезды и вздрагивал, как машина на ухабе. И от этого ребятам становилось не столько страшно, сколько неуютно. На мгновение казалось, что огненный шар врежется в полосу света и рассыплется на миллионы блестящих пузырьков. Тогда рухнут такие непрочные розовые стены и ребята останутся совсем одни в неприятной космической бездне, в которой неизвестно, где верх, где низ, где право, а где лево.

В такие секунды становилось особенно тоскливо еще и потому, что очень хотелось знать, куда же они летят и почему.

Но встреч со светом было не так уж много, а всё вокруг так часто менялось, что каждому приходилось думать только о своих обязанностях – наблюдать. На то, чтобы думать о своей судьбе, оставалось совсем немного времени, и, наверное, поэтому никто из ребят не расплакался, не загрустил – просто им было некогда.

– У меня тут что-то странное, – робко сказала Валя, и все посмотрели направо.

На Валиной стороне действительно творилось нечто непонятное. Далеко, насколько виделось глазу, расползлся призрачный мерцающий серебристый свет. В нем виднелись обрывки слоистых облаков или газов, а между ними вспыхивали блески маленьких метеоритов.

Корабль-бутылъ стремительно летел мимо этих обрывков. Свет становился всё ярче, и в то же время его полоса всё время сужалась, пока впереди не показался почти такой же, как и у ребят, светящийся шар. Но этот попутный шар был не оранжево-голубой, а белый и тоже серебристый. Он сверкал, словно кусок льда на ярком солнце, – в нем, кроме серебристости, проступали и зеленоватость и легкая голубоватость.

– Почти как у нас, – сказал Андрей.

– Да... – протянул Витя. – Это, кажется, комета.

– Правильно! – обрадовался Андрей. – Конечно, комета! Вот здорово – она летит и мы летим. Может, мы и прилетим вместе?

– Нет, – сказала Валя. – Вместе мы не прилетим.

– Верно! – согласился Андрей. – Мы летим быстрее.

И в самом деле они летели гораздо быстрее кометы, потому что вскоре она осталась далеко позади, а потом и вовсе пропала в фиолетово-черном мраке космоса.

Потом они увидели далеко в стороне странные, вращающиеся не то планеты, не то их обломки – они казались угловатыми и жуткими. Иногда вдалеке проплывали огромные темные шары. Это, конечно, были необитаемые мертвые планеты или остывшие звезды. А раза два в невообразимой дали разгоралось зарево ясного, чистого света. Вероятно, там светили настоящие солнца. Может быть, даже больше и горячее, чем то, вокруг которого вращалась Земля.

И каждый раз, прежде чем увидеть этих космических скитальцев, ребята замечали, что их светящийся шар начинал вздрагивать, часто менять направление, как щепочка в потоке ручья, когда ее тянет то к одному берегу, то к другому, а она то отойдет в сторонку от главной струи – стрежня и покрутится в маленькой заводи, то стремительно вылетит на стрежень и понесется вдаль по своему, нужному ей пути.

Так и огненный шар как бы лавировал среди пересечений, притяжений всяких солнц и планет, которыми, как казалось ребятам, кишмя кишел космос. Правда, одни небесные тела едва виделись, а другие скрывались в темноте, словно подстерегая заблудшие космические корабли или метеоры, чтобы притянуть их к себе и навсегда успокоить на своих промёрзших раздольях.

– А нас не занесет куда не нужно? – осторожно спросила Валя.

– Видишь ли... Я не знаю, куда нам нужно, – вздохнул Витя.

– Как же так? – изумилась Валя. – Раз мы выбрали тебя командиром, ты должен знать, куда нас несет.

Витя вздохнул еще раз и ответил:

– Нет. Наверное, не занесет...

Они помолчали, и Витя, пожалуй, первый заметил, что огненный шар стал как бы съеживаться, расплываться. Он стал реже спотыкаться о потоки света. Мрак космоса сгустился и стал непроницаемо черным. Таким черным, что казался даже фиолетовым. Впереди чернела, а скорее синела, как грозовая туча перед бурным, летним дождем, жуткая в своей безмолвности и непостижимости стена. В ее глубине угадывались странные превращения. Там что-то клубилось, взрывалось черными вихрями и опять опадало и сливалось с общей, иссиня-черной стеной.

– Мне страшно, – прошептала Валя.

– Правильно. Страшновато... – тоже прошептал Андрей.

И Виктору было страшно, но он промолчал – все-таки именно его выбрали командиром. А командир должен быть бесстрашным и никогда, ни при каких обстоятельствах не терять присутствия духа. Ему надлежит быть собранным, смелым и решительным. Как стать таким, Витя не знал и потому просто промолчал.

– Что же это такое? – спросила Валя.

Но ей не ответили, потому что никто из живущих на Земле еще не знал, что это такое. Ведь ни один человек такого еще не видел. Даже в самые сильные телескопы.

А было это границей Галактики.

Ведь вся наша Вселенная составлена из разных частиц. Спутники, вращающиеся вокруг планет, как, например, Луна вокруг Земли. Планеты вращаются вокруг Солнца, образуя солнечные системы. Солнечные системы вращаются вокруг центра Галактики. А галактики вращаются вокруг своих центров, которые ученые еще не до конца знают. Но, наверное, узнают досконально. Всё очень просто и строго.

Между всеми этими вращающимися по строгим законам системами мечутся обломки планет – астероиды, метеоры, кометы и другая космическая мелочь. Иногда они путешествуют по всей Галактике, но в другие галактики забредают редко. И вот, вероятно, почему.

Каждая галактика вращается в одну сторону с одной определенной скоростью. Ее края соприкасаются с краями соседних галактик. А те вращаются со своей скоростью и, может быть, в свою сторону. И вот тут, на границах галактик, где «трутся» их невидимые края, происходят неведомые события, о которых ученые еще не знают, но догадываются, каждый по-своему.

Здесь, наверное, сталкиваются всякие бродячие частички: метеоры, астероиды и другие межзвездные пыль и мусор, перемешиваются волны самых различных излучений, света, в том числе и радиоволны. А там, где хоть что-то сталкивается и перемешивается, обязательно возникает путаница и чернота, потому что каждый знает: стоит только перемешать все имеющиеся на палитре краски, как обязательно образуется странный, почти черный цвет.

Черный-то он черный, но всё равно в нем бывает и какой-то другой, неуловимый оттенок. Иногда синеватый, иногда темно-зеленый или фиолетовый.

Такими оттенками отливала и та стена – колышущаяся, мрачная и точно живая, к которой приблизился необыкновенный корабль ребят. Но тут корабль-бутылка, повинувшись всё тем же неизвестным, но точным законам и предначертаниям, плавно повернул как бы вправо и вверх и понесся дальше, явственно сбавляя

свой неслышимый, стремительный полет.

Тело опять стало наливаться тяжестью, и лица ребят опять исказились.

Корабль всё мчался и мчался. Страшная странная граница Галактики медленно и торжественно переместилась назад. Впереди показался большой багровый диск, над которым то вспыхивали, то опадали небольшие пузыри, почти такие же, как и те, что постоянно отрывались от раскаленного шара, который всё время мчался перед ребятами, в голове их необыкновенного космического корабля.

Только пузыри над диском никуда не отрывались. Они вспучивались, лопались и опадали.

Корабль мчался прямо на этот диск, и он неуловимо вырастал, совсем так, как вырастает закатное солнце. Чем ниже оно спускается к горизонту, тем больше и багровей оно кажется.

– Это, по-видимому, настоящее солнце, – сказал Витя. – И нас тянет прямо на это солнце.

– Точно. Как мотыльков на свет, – сейчас же вмешался Андрей.

– Мотыльки обжигаются... – сказала Валя.

– Правильно. А если электрическая лампа?

– Но это же не электрическая, а солнечная...

– Верно. Значит, нам не нужно приближаться к этому солнцу, иначе оно нас обожжет.

– Хорошо, – серьезно сказал Витя. – Мы к нему не приблизимся.

– А как ты, интересно, это сделаешь? – спросила Валя.

– Я еще не знаю, но, думаю, что нам удастся не приблизиться.

– Хорошо говоришь! – восхитился Андрей. – Приводи примерчики.

– До сих пор наш огненный шар проводил нас среди всяких солнц, планет и комет. Наверное, в нем есть что-то такое, что позволяет ему разбираться, куда нужно лететь, а куда не нужно. Ведь если он полетит на это солнце, так он же сам обожжется.

– Зачем ему обжигаться? Он же сам из огня. Ему не страшно, – сказала Валя.

– Здорово подмечено. Но огонь от огня всегда отскакивает. Двум огням вместе всегда тесно. Вот, может, и...

Они помолчали, потому что предположение Андрея показалось правильным. Огню с огнем делать нечего. Может быть, их огненный шар и огненное незнакомое солнце оттолкнутся друг от друга и опасность пройдет стороной?

Но эта надежда почему-то не успокоила ребят. Они не знали, сколько времени уже летели, не знали, куда прилетели, и эта неизвестность начинала их беспокоить. Им уже захотелось вернуться на твердую землю, а не болтаться в невесомости посреди Вселенной, привязанными друг к другу веревочками из Валиных косичек.

Это, конечно, здорово, когда ты можешь лететь, как ты хочешь, но когда при таком полете ты рискуешь не рассчитать своего движения и удариться о розовую стену и, может быть, пробить ее, тогда ты очутишься в великом и необозримом космосе, где нет ни воздуха, ни тепла и где сразу превратишься в ледяной, безмолвный столб, в какой-нибудь астероид или метеор. Тогда ты будешь вечно летать по Галактике, пока не вылетишь к ее границам, столкнешься в неистовой круговерти с каким-нибудь другим заблудшим метеором и превратишься в пыль, в атомы или электроны.

Нет, эти печальные мысли не очень скрашивали таинственное путешествие в не менее таинственную неизвестность.

Глава третья

ОБЫКНОВЕННАЯ МЁМБА

Огненный шар повел себя довольно странно. Он всё чаще и чаще стал спотыкаться и рыскать из стороны в сторону. Ему как будто хотелось повернуть к неизвестному солнцу, и в то же время его как бы не пускали туда, отворачивали в сторону. В розовой бутылке стало неуютно и даже страшно. Ее неизвестно из чего образовавшиеся розовые стены стали морщиться и вспучиваться то на одну, то на другую сторону. То место, которое в настоящей бутылке должно было быть дном, превратилось в собачий хвост: оно всё время виляло из стороны в сторону, и оттого розовые стены изгибались и вытягивались.

Ребят трясло и переворачивало вверх ногами и вокруг самих себя в беззвучном и опасном хороводе. Перегрузки увеличивались, и никак нельзя было понять, разгоняется ли странный корабль или, наоборот, начинает тормозить.

Судя по тому, что удивительное солнце со вспучивающимися и опадающими пузырями на поверхности почти не увеличивалось, корабль как будто замедлял свой стремительный полет. И это для настоящего космонавта показалось бы и опасным и странным.

Ведь если бы чужое солнце приближалось, то это значило, что корабль идет курсом прямо в его пекло. И если бы при этом корабль ускорял полет, каждый понял бы, что солнце притягивает его. Но раз корабль летел всё медленнее, солнце почти не приближалось, а просто отступало куда-то в сторону, значит, существовала и еще какая-то могучая сила, которая боролась с силой притяжения солнца и старалась перетянуть необыкновенный корабль на свою сторону. Вот потому-то он, разрываемый двумя силами, спотыкался и изгибался.

Но ребята, естественно, не понимали, в чем дело, и не знали о великом борении этих могучих сил. Да им, пожалуй, было не до этого. У них опять вытягивались лица, внутри всё спрессовывалось и перекачивалось, наливаясь страшной тяжестью.

Они даже не заметили, как солнце всё стремительней поплыло в сторону и корабль изменил курс. Он словно нехотя повернул свою огненную голову в направлении едва заметной оранжево-зеленой звездочки.

С этой минуты сила тяжести и перегрузок прямо-таки сломила ребят, и они только слабо охали и кричали, медленно переворачиваясь в воздухе. Кричать, удивляться или протестовать они не могли – на это у них не хватало сил.

Корабль описал плавную дугу вокруг оранжево-зеленой звездочки. Перегрузки всё увеличивались, а звезда приближалась всё быстрее и быстрее. Корабль кружил вокруг нее и по спирали спускался к ее поверхности, кое-где подернутой белыми и серыми облаками.

– Вот теперь я начинаю бояться, – сказал Витя. Язык у него ворочался с трудом. Он опять стал большим и тяжелым. – На этой звезде есть воздух, и как бы нам не загореться в нем.

– Ох, верно... – проворчал Андрей.

На большее у него не хватило сил. А Валя просто молчала. Она прикрыла глаза от усталости и только дышала часто и прерывисто.

На каком-то витке бесконечной спирали пузыри с носового огненного шара стали срываться особенно часто, и розовые, прозрачные стены корабля пересекались огненными струйками. Как раз в это время шар опять стал сплющиваться, словно наткнувшись на какую-то преграду, и движение корабля замедлилось. От страшных перегрузок ребята ткнулись друг в друга, обнялись и потеряли сознание.

Глава четвертая

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛЮДИ

Очнулись они в большой комнате. Стены ее казались шелковисто-коричневыми, как хорошее какао, а потолок – золотистым, слабо мерцающим. Таких комнат они никогда не видели. В ней было не четыре, а восемь углов и очень мало мебели. Три кровати, три не то тумбочки, не то этажерки, стол, кресла и... пожалуй, всё. В стенах виднелись матовые, точь-в-точь телевизионные экраны, а возле каждой кровати, на уровне подушки, –

маленькая полочка, кнопки звонков. В стенах у кроватей угадывались дверцы, размером чуть больше оконной форточки.

Ребята пришли в себя почти одновременно и несколько минут лежали молча, каждый думал о своем, а все вместе – об одном и том же:

«Куда нас занесло? Что с нами случилось? Что скажут дома?»

Вот после этих мыслей о доме, о том, как им может попасть за их невольное отсутствие – «без спросу», – о родителях, которые сейчас, должно быть, и волнуются и сердятся, очень захотелось плакать. Но слезы, хоть и навернулись, все-таки не прорвались.

Плакать хорошо или в одиночку, или за компанию. А когда ты не знаешь, как поведут себя твои товарищи по несчастью, плакать опасно. Может оказаться, что вместо того, чтобы заплакать вместе с тобой, они начнут смеяться над плаксой. Поэтому все трое сдержали слезы и переглянулись друг с другом. Поскольку у всех троих на глазах все-таки выступили слезы и каждый понял, что двое других тоже готовы зареветь и только ждут сигнала, они, может, и в самом деле разревелись бы, но в это время открылись невидимые до сих пор двери и в комнату вошли люди в светло-синих, почти голубых халатах.

Это были обыкновенные люди – с ногами, руками и умными глазами разных цветов: голубыми, карими и синими. И волосы у них тоже были разные: светлые, темные и каштановые. Они выбивались из-под шапочек кудрями и прядками. Словом, всё было так же, как и на Земле, если бы не одно обстоятельство – люди эти были серебряными. Точнее, не сами люди, а их кожа. У этих людей лица, руки, а у женщин и ноги отливали серебром. У одних сильнее – ярко и светло, у других поменьше – тускло, блекло. Именно эти серебряные люди сказали ребятам всё, еще не говоря ни слова.

Значит, это не Земля. Значит, они далеко от дома, на чужой, неизвестной планете, и что теперь делается дома – уму непостижимо. А главное, как все-таки вернуться домой?

Ребята переглянулись, и каждый понял, о чем думал другой. Серебряные люди тоже переглянулись, перебросились несколькими фразами на своем непонятном, но чем-то напоминающем невнятный птичий щебет языке и мягко улыбнулись.

Один из них, высокий, стройный, блестящий, с орлиным носом и умными темными глазами, сел на Витину кровать и поднес ко рту какой-то маленький аппарат.

В этот маленький аппарат он и начал говорить на своем, похожем на птичий щебет языке, а оттуда, из аппарата, раздались обыкновенные русские слова:

– Здравствуйте, друзья. С благополучным примёбением.

Ребята переглянулись. Что это еще за «примёбение»? Блестящий человек рассмеялся.

– Звучит непривычно? Ничего! Привыкнете. Ведь вы, как мы понимаем, с далекой планеты Земля? Не так ли?

– Та-ак...

– Ну вот. Когда на вашу планету прилетают воздушные или космические аппараты, они что делают?

– Как что? – удивился Ваня. – Они приземляются.

– Ну вот. А нашу планету зовут Мёмба. Обыкновенная Мёмба. В отличие от другой Мёмбы, которая называется Необыкновенной Мёмбой, или просто Планетой. На той, другой Мёмбе, жили когда-то наши предки, а потом переселились сюда. Но и там и тут, когда прилетают летательные аппараты, или космические корабли, мы говорим, что они не «приземляются», а «примёмбляются». Как по-вашему, правильно мы говорим?

– Правильно! – немедленно ответил Андрей. – Верно! Только одно непонятно – как же мы очутились на этой вашей Мёмбе?

– Ну, нам кажется, что это вы нам должны рассказать, как вы очутились у нас в гостях. Ведь летели-то вы, а не мы. Кстати, говорите свободно, мы вас поймем. Вот этот аппаратик, – блестящий человек похлопал по ящичку, который висел у него на груди, – называется «электронный переводчик». Ваш язык мы уже узнали и настроили переводчика на нужную волну. Так что вы будете говорить,

а электронный переводчик – переводить. Всё очень просто.

Как избранному командиру, Вите пришлось рассказать обо всем, что с ними случилось, и все серебряные люди важно кивали головами и доброжелательно улыбались.

– Мы так и думали, – сказал тот, что сидел на Витиной кровати. – Случай, конечно, редкий, но не сверхъестественный. Чтобы вас не удивляло то, что с вами произошло, я вам объясню. Старший брат Андрея, по-видимому, неправильно подключил свою приставку. Электрический ток мгновенно образовал плазму, которая, по еще не выясненным нами обстоятельствам, превратилась в антиматерию. Антиматерия тем и знаменита, что никак не может ужиться с обычной материей. Вот она и полетела прочь от Земли, захватив с собой всё, что было в зоне ее действия. В данном случае вас. А поскольку она летела сквозь земную атмосферу, то захватила с собой и кусок атмосферы. Благодаря этому вы могли дышать в полете.

Огненный шар впереди вашей розовой бутылки – это и есть плазма. Вроде шаровой молнии. Они водятся и на вашей и на нашей планете, эти самые шаровые молнии. А поскольку Землю окружает магнитное поле, часть плазмы под его воздействием вытянулась и образовала те самые розовые стенки, которые не выпустили воздух и позволили вам лететь в безопасности. Теперь, я надеюсь, вам всё понятно?..

– Не-а, – беспечно сказал Андрей. – Вы, конечно, говорите правильно, но мы-то ничего не поняли.

– Простите, – несколько растерялся серебряный человек. – Сколько вам лет?

– Нам? Нам по двенадцати.

– Ну, в этом возрасте вы просто обязаны знать такие простые вещи.

– А у нас это еще не проходили, – вдруг обиделась Валя.

– Где... не... проходили?.. Не совсем понимаю...

– В школе. Не проходили. Не учили.

– Ах, вот оно что... Жаль... Но это ведь можно узнать и самим. Впрочем... – Серебряный человек растерянно оглянулся и взял с этажерки стакан с водой.

– Попробую разъяснить. Что это такое? В сосуде? Вернее, в стакане?

– Вода.

– Правильно. А что такое вода?

Ребята переглянулись – чего от них хотят, они не совсем понимали: вода она и есть вода.

– Вода – это жидкость. Верно?

– Верно.

– Так вот, жидкое состояние – это, допустим, первое состояние материи. А если эту воду заморозить, что получится?

– Понятно! – ухмыльнулся Андрей. – Это я знаю. Читал. Если заморозишь, будет лед. Второе состояние материи – твердое тело. А если воду испарить, получится пар или газ. Это будет третье состояние материи: газообразное.

– Всё правильно. А вот когда материю – хоть твердую, хоть жидкую, хоть газообразную подвергнешь особой обработке – в вашем случае электрическим током, – то ее атомы распадутся, и получится плазма. Четвертое состояние материи. Плазма – это то состояние материи, когда частицы атомов не соединились в атомы и не создали какого-нибудь определенного вещества, например воду. Из плазмы, в принципе, можно сделать любое вещество. И из любого вещества можно сделать плазму. Теперь понятно?

– Почти, – скромно кивнул Витя.

– А что же такое антиматерия? – спросила Валя. – У нас этого тоже не проходили.

– Ну вот у тебя есть левая рука, а есть правая. Верно?

Валя кивнула.

– Они очень похожи друг на друга, а все-таки совсем разные. У них всё наоборот. Или второй пример. Вы знаки плюс и минус проходили?

– Это проходили!

– Ну так вот. Может быть плюс один градус и может – минус один градус. Кажется, одно и то же. Но при минус один вода замерзнет, а при плюс один она растает. В одном случае тепло, а в другом – холод. Вот так и в материи. Вот мы все состоим из материи. И комната тоже из материи. И Земля и Мёмба. А есть такие же планеты, которые состоят из такой же материи, только с обратным знаком. Всё там также, только наоборот. Где правое – там левое, где плюс – там минус... Понятно?

Честно говоря, если с плазмой кое-как ребята справились, то что такое антиматерия, они не поняли. Но это почему-то не огорчило серебряного человека.

– Ну ничего, поучитесь – поймете. Просто запомните: есть материя, а есть антиматерия. И они друг с другом не уживаются, как встретятся, так обязательно поссорятся, вспыхнут и разлетятся в разные стороны. Эти ссоры, вспышки, столкновения материи и антиматерии называются аннигиляцией. Вот и всё. А сейчас мы сделаем так. Вам принесут одежду, вы оденетесь, и мы вас познакомим с нашей планетой. Пока вы будете знакомиться, наши ученые подумают, каким образом вернуть вас на вашу родную Землю. Так что вы не очень беспокойтесь и не слишком тоскуйте об оставленной Земле. Мне кажется, что всё будет в полном порядке.

Глава пятая

НЕ ВСЁ ТО МОДА, ЧТО БЛЕСТИТ

Сообщение об антиматерии, вероятно, было чрезвычайно важным и своевременным, потому что хотя земляне поняли не всё, они все-таки повеселели. Что ни говорите, а если выяснилось, что их невероятные и чрезвычайно опасные приключения возникли и прошли в строгом соответствии с наукой, это успокаивало.

Валя осмелела и спросила:

– А скажите, почему вы все серебряные? Это у вас мода такая?

– Почему мода? – удивился серебряный человек.

– Ну вот моя мама красит губы жемчужной помадой. Губы становятся бледными и блестящими. И мама говорит папе, которому не нравится эта помада, что он ничего не понимает в красоте, потому что так модно.

Серебряные люди переглянулись и рассмеялись. Один из них объяснил:

– Нет, ребята, дело не в моде. У нас более древнее солнце, чем у вас. Оно выделяет больше вредных излучений, от которых может сгореть кожа. Вот наш народ и приспособился. Он стал серебряного цвета. Кожа такого цвета отражает излишнее тепло, и нам живется очень неплохо.

– Но если бы вам было жарко, вы бы загорели. Стали бы черные. А вы – серебряные.

– Всё правильно. На вашей Земле кожа ваших людей приучилась загорать в темный цвет. И заметьте, чем ближе к экватору живут ваши люди, тем темнее у них кожа. А у нас на экваторе не живут, потому что наша кожа загорает по-иному.

Вите очень захотелось спросить, почему люди этой планеты не живут на экваторе, но он промолчал. Негры ведь черные-пречерные живут на экваторе, на самом солнцепеке. Индийцы живут подальше от экватора, и они гораздо светлее. А вот и он сам, и все его соседи, и родственники живут гораздо севернее, и они совсем белые. Правда, летом они загорают, но зимой опять бледнеют. Так что, кажется, всё правильно. Почему же другие люди на другой

планете, под другим солнцем не могут загорать?.. Ну хотя бы в свой, в серебряный цвет? Впрочем, раз у них другое солнце, то не живут они на экваторе, должно быть, потому, что там уж слишком жарко – там, наверное, и серебряная кожа не поможет: сгоришь на солнце.

* * *

У каждой кровати открылись дверцы-форточки, и на полочках оказались пакеты с блестящей, разноцветной одеждой. К ним подошли женщины и стали помогать одеваться. Оказалось, что это были самые обыкновенные комбинезоны на «молниях», с карманами и всякими приспособлениями. В частности, выяснилось, что лингвистический аппарат-переводчик вшит в комбинезоны, а в воротниках вделаны маленькие пуговички-лорингофоны. Они прижимались под скулами к коже. Стоило человеку заговорить, как в пуговичке-лорингофоне возникали электрические токи-колебания и по проводкам шли в аппарат-переводчик. А он уж сам, автоматически, переводил сказанное.

Кроме того, выяснилось, что комбинезоны очень похожи на известные «ползунки». У них были и перчатки, и что-то вроде тапочек на мягкой легкой подошве, и даже нечто вроде капора-капюшона, да еще с прозрачным и тоже серебристо-блестящим экраном, прикрывающим всё лицо. Выходило, что ребята получили не столько костюм, сколько обыкновенный космический или подводный скафандр.

Правда, от тех скафандров, которые они видели в кино или на фотографиях, их костюмы все-таки отличались. Во-первых, на капюшоне торчало несколько выростов, похожих на маленькие рожки. Во-вторых, вдоль спины, по бокам, начиная от подмышек и кончая ступнями, тянулись красиво простроченные мягкие швы. Когда их увидела Валя, она воскликнула:

– Ой, как красиво! У вас такая мода? С вытачками?

Женщины, которые помогали ребятам одеваться, переглянулись и улыбнулись.

– Видишь ли, девочка, – сказала одна из них – высокая, статная, матово-серебряная. – Хоть ты и интересуешься модами, я должна тебя разочаровать. На нашей планете давным-давно нет мод... на одежду. Каждый одевается так, как

ему нравится, как ему кажется красивей.

– Почему же так? – растерялась Валя. – Ведь когда модно, так это красиво. Иначе зачем же мода?

Женщины засмеялись и опять переглянулись.

– А вот мы думаем совсем по-другому. У нас считается красивым прежде всего то, что удобно, изящно и... – Она вдруг запнулась, и щеки у нее стали золотистыми: оказывается, именно таким образом краснеют серебряные люди планеты Мёмба. – И конечно, красиво.

– Ну вот видите...

– Но ведь красиво не обязательно модно, – слабо сопротивлялась женщина.

– Ну конечно. – Валя говорила уже уверенно. – Сегодня всем кажется, что красиво это, а завтра придумают что-нибудь другое, и оно оказывается более красивым. И вот тогда оно становится модным.

– Н-ну, возможно, – повела плечами высокая серебряная женщина. – Но вот когда вы узнаете нашу жизнь, вы поймете, что у нас каждый может создать свою моду. И если кому-то понравится эта мода и он решит ее повторить, то – пожалуйста. Пусть повторяет.

– Ну так и у нас так же! Кто-то один придумает, а потом все делают так же. Или почти так же...

– Ладно, не будем спорить. Разберемся потом. Но только помните, что все у нас так не делают. Каждый придумывает что-нибудь свое.

Валя посерьезнела, потом обрадованно улыбнулась и сказала:

– Ну да! Даже к самому модному лучше всего придумать хоть что-нибудь свое. – И, заметив, как опять, но уже с доброй улыбкой, переглянулись женщины, пояснила: – Конечно! Так и мама считает.

Вите с Андреем уже надоел этот женский разговор, но они не решались прервать его: все-таки взрослые, да еще инопланетные солидные женщины. Неловко перебивать. Поэтому они и молчали. Но когда после Валиного объяснения наступила маленькая пауза, Андрей сейчас же воспользовался ею:

– Простите, но если эти выточки – не мода, тогда, как я понимаю, они для чего-то нужны? Верно?

– Разумеется, – ответила самая высокая и самая серебряная женщина.

– Тогда, я полагаю, эти мягкие выточки сделаны для того, чтобы... Ну, в общем, когда падаешь, чтоб мягче было. Верно? Они как амортизаторы?

Женщины весело рассмеялись, и одна из них, пожалуй постарше других, сказала подругам:

– Не кажется ли вам, что нужно сразу же рассказать ребятам об особенностях нашей жизни? Ведь они инопланетяне и далеко не все поймут сами.

– А не получится ли излишней психологической нагрузки? Ведь мы не знаем, к каким умственным нагрузкам они привыкли на своей планете. – Это возразила третья женщина – очень серьезная и строгая.

– Ну, если они сами фантазируют, пытаюсь осмыслить явления, так бояться перегрузок, по-моему, нечего. Есть непонятный для них костюм? Есть! Значит, надо сразу рассказать, почему он такой, а не этакий, и зачем он нужен на планете.

– Мне кажется, следует вначале изучить их психику... – начала было очень серьезная и строгая женщина, но ее перебила самая серебряная.

– Чего ее изучать – сразу видно: нормальные ребята. И я приступаю к объяснению. Вот что, ребята. Этот костюм как кожа. Вторая кожа. Ведь у нас есть опасные даже для нас излучения, к которым не может так сразу привыкнуть ваша кожа. А костюм ее прикроет. Но этого мало. Вы на своей планете привыкли к одним бактериям и вирусам, а у нас, наверное, есть и совсем другие. Нам они не вредят, а вам, с непривычки, могут и повредить. Вот

почему вас вначале поместили в этой стерильной комнате. Чтобы и вы не набрались наших бактерий и своих не распустили. Мы ведь к вашим тоже не привыкли и поэтому можем заболеть.

– Всё понятно, – бодро сказал Андрей. – Не ясно одно: как же мы будем дышать? Ведь нас закупорят в костюм, а в воздухе всё равно бегают... летают бактерии и вирусы.

– Ну что? – торжествующе обратилась самая красивая женщина к самой серьезной. – А вы сомневались. Они прекрасно понимают, что к чему. Дышать, ребята, вы будете нашим воздухом, но... Но вот те самые швы и выточки, которые Валя сочла за местную моду, и есть фильтры: сквозь них очищенный и обезвреженный воздух попадает под костюм.

– Здорово! Выходит, это действительно вторая кожа?

– Выходит. Но этого мало. В этот костюм вмонтирован и автоматический лингвист-переводчик...

– А что такое лингвист? – спросила Валя.

– Лингвист? Знаток языков. Он поможет вам и слушать других, и переведет вашу речь на наши языки.

– А... у вас их много? – впервые вмешался в разговор Виктор.

– Нет. Всего два. Но один из них такой трудный, что даже мы... и то не умеем говорить на нем как следует. Вот поэтому у нас так развиты автоматические переводчики. Без них нам, всем населяющим эту планету, трудно было бы разговаривать друг с другом. Ну вот... И еще, – вздохнула пожилая женщина и переглянулась с другими, – и еще этот костюм предназначен для подводного плавания.

Тут настало время переглядываться ребятам. Неужели им придется побывать под водой?

– Понятно! – решил Андрей. – К этому костюму пристегиваются баллоны с дыхательной смесью, ласты – и давай плыви! Так?

– Нет. Не так. Я же сказала, что все эти швы и вытачки на костюме – всего лишь фильтры для воздуха. Но это на суше. А вот когда попадаешь в воду, то эти же самые фильтры-швы становятся как жабры у рыб. Они добывают воздух... вернее, кислород из воды. И человек дышит. Дышит совершенно нормально, как если бы он был на суше. Или как дышит рыба под водой.

– Правильно! Значит, мы можем тоже плавать под водой?

– Конечно! Но – в свое время. А сейчас давайте проверим, как сидят на вас костюмы, иотрегулируем фильтры.

И тут началось то самое, знакомое каждому действие, которое, в общем-то, никому не нравится. Ребята приседали, поднимали руки, проверяли, не жмет ли в шагу, не теснит ли под мышками. Их просили подышать, побегать, попрыгать, наклониться и выпрямиться – словом, проделать всё, что проделывают люди, которые примеряют новую одежду. Тут, заодно, выяснилось, что маленькие рожки-выросты на капюшоне костюма – это всего лишь антенны для связи по радиотелефону.

– Точно! – сразу сообразил Андрей. – Они подключаются к приемнику, а приемник – к аккумулятору или батарее и – пожалуйста. Слушай любой разговор. Вторая антенна, конечно, от передающей радиостанции. Подключись – и разговаривай. Но вот третья, наверное, запасная.

Пожалуй, первый раз в жизни Андрей сказал «наверное». До сих пор ему всегда всё было ясно и понятно. Но, к сожалению, и в этом случае его обширные знания не сработали.

– Нет, ребята, – сказала самая серьезная женщина, – аккумуляторов или батарей у нас нет. Вернее, они есть, но к костюму не пристегиваются. Сам костюм вырабатывает электроэнергию. Ею снабжается вся электронная и прочая аппаратура костюма.

– Простите, – вмешался Виктор, – а как же это делается?

– В общем-то, очень просто. Костюм у вас двойной. Из двух пленок. Наружная и внутренняя покрыты особым полупроводниковым составом. Наружный перерабатывает свет и тепло, а внутренний – только тепло человеческого тела. А в результате получается электрический ток. Но этого мало. Полупроводники могут вырабатывать еще и холод и тепло. Так что в костюме всегда одна и та же температура. В нем никогда не бывает ни жарко, ни холодно, а всегда в самый раз.

– Правильно! – сразу сообразил Андрей. – А между двумя пленками – воздух – самый лучший термоизолятор. Он всё сохраняет – хоть тепло, хоть... прохладу.

– Всё так и... не так. Двойным костюм делается не для этого. Вот когда вы начнете знакомиться с нашими морями и нырнете в воду, между стенками костюмов возникнет воздушная прослойка. Вернее, газовая прослойка. Она автоматически поддерживает нужное давление, и вы ныряете на любую глубину. Вода вас не раздавит. Костюм предохранит от давления. А вот антенны на шлеме-капюшоне и в самом деле для переговоров. Только работают они не так, как вы думаете. Одна антенна для связи на Мёмбе с помощью обыкновенных радиоволн. Радиотелефон с автоматической настройкой. Вторая – для связи под водой. Ведь под водой мы пользуемся ультразвуковой связью. Ультразвук отлично распространяется в воде. А вот третья... Третья – это учебная телевизионная антенна. И вот для нее-то и есть приставка – обыкновенный телевизор: маленький, плоский, как книжка. В свой час вы его получите и научитесь с ним обращаться. Правда, третья антенна служит и еще кое для чего, но вы это узнаете потом.

Андрей уже набрал воздуха, чтобы высказать очередную догадку, но самая серьезная женщина решила по-своему.

– Мы сейчас уйдем, ребята, а вы получите завтрак. Поедите, освоитесь в ваших новых костюмах, отдохнете, а потом уж и решим, что делать.

Не привыкший, чтобы его перебивали, Андрей покраснел и отошел в сторону. Женщины двинулись к дверям. Самая серебряная положила руку на стену и нажала невидимую кнопку. Дверь отворилась, и они ушли.

ВЫХОДИТ В МИР

Андрей Антонов проводил женщин до самой двери. Он видел, как открывалась дверь, постоял перед ней и, по-видимому, кое-что придумал, потому что, когда он возвращался от двери к ребятам, вид у него был сосредоточенный и несколько сердитый. Валя мельком взглянула на него и странно-взрослым жестом потерла кончиками пальцев виски.

– Понаговорили тут... всякого. Разбирайся, – сказала она сердито, и голос у нее тоже звучал противновзросло.

– Не в этом дело, – отрубил Андрей. – Это они всё в теории выдали. А вот на практике... Надо пробовать.

И они стали пробовать. Застегивать и отстегивать всякие замочки и «молнийки», задраивать и открывать шлем-капюшон. Всё проходило гладко, и постепенно костюмы как бы срастались с телом. Они перестали мешать и казались привычными и обычными. Андрей неожиданно толкнул Виктора, тот ответил, и они стали возиться и гоняться друг за другом. Вале показалось, что такое легкомысленное поведение на чужой планете опасно, и она закричала:

– Перестаньте, ребята! Что подумают о нас местные жители?

Андрей увильнул от Витино толчка и, забежав за стол, тоже закричал:

– А что мы такого делаем, чтобы о нас плохо подумали?

Именно так он всегда отвечал на замечания учителей: «А что я такого сделал?» И Валя, должно быть подражая какому-то учителю, сказала:

– Но это же просто неприлично: только что прибыли на чужую планету и уже затеяли... драку.

– Но мы же не деремся. Мы – балуемся!

– Тем более. Ну что хорошего в баловстве? Неужели нельзя посидеть тихо и спокойно?

Андрей неожиданно разозлился:

– А-а, да отстань ты! Нам костюмы нужно попробовать! Поняла? Лезет тут со своими... поучениями.

Валя широко открыла глаза и долго смотрела на Андрея. Каждый раз когда широко открытыми глазами долго смотришь на какой-нибудь предмет, глаза устают, краснеют и на них наворачиваются слезы. Наверное, поэтому снайперы и охотники, жители степей и моряки, которым часто приходится смотреть подолгу в одно место, всегда прищуриваются. Поэтому у них и не навертываются слезы. А Валя широко открыла глаза...

Впрочем, слезы могли навернуться и по другой причине. Мы все можем дружить с одним человеком, а нравиться нам может совсем другой. И когда нравящийся нам человек делает что-нибудь не так или, что еще хуже, обижает нас, тут уж вполне можно открыть глаза от удивления: чего это он? Какая муха его укусила?

Но так или иначе, а Валя отвернулась и ничего не ответила. Виктору тоже расхотелось баловаться. Все-таки вовремя сказанное слово, пусть даже замечание или упрек, играет свою роль... Тем более, что как раз в это время открылись форточки в стенах и появились подносы с едой.

Ни на кого не глядя, независимо вздернув голову и потряхивая косичками, Валя расставила еду на столе и резко сказала:

– Ешьте!

И ребята покорно сели за стол.

Всё было почти так же, как и на Земле. Маленькие колбаски – в меру сочные, в меру острые и очень нежные, почти как сосиски. Что-то похожее на поджаренный картофель, только более рассыпчатое и сладковато-перечное на

вкус. Андрей, картофельная душа, почмокал и авторитетно заявил:

– Что-то вроде батата.

– Вроде чего? – спросил Виктор.

– Батата. Это такой сладкий картофель в тропических странах. А варили, видно, с перцем. А может, с аджикой.

Что такое аджика – смесь жгучего перца, укропа, кинзы, петрушки, соли и еще всяких травок, любимая приправа на Кавказе, – ребята знали. Кроме того, были фрукты, похожие на крымские продолговатые яблоки и напоминавшие их по вкусу, только более сладкие. И, наконец, молоко. Густое, почти розовое молоко. Андрей понюхал его и поморщился: молока он не любил. А когда попробовал яблоко, сразу предложил Виктору:

– Давай меняться? Я тебе молоко, ты мне яблоко.

– Давай, – миролюбиво согласился Виктор, который любил и молоко, и яблоки, и картофель – словом, почти всё, что едят обыкновенные люди. Кроме вареного лука. Вареный лук он не любил.

Завтракали молча. Андрей справился со своим завтраком быстрее всех и, посвистывая, пошел вдоль всех восьми стен комнаты.

– А кто, интересно, будет убирать посуду? Хотя бы за собой? – спросила Валя, и голос у нее звучал довольно-таки противно.

– Вероятно, дежурный... – пожал плечами Андрей, продолжая изучать стены.

Валя с упреком посмотрела на Виктора, но он ее не понял. И Валя пояснила:

– Ты же командир. Принимай меры.

– Я? – удивился Виктор. – Командир?

– Конечно! Мы же тебя выбирали!

– Но это же было... в полете.

– Мало ли что! Никто нашего решения не отменял.

Андрей прекратил свистеть и с интересом посмотрел на Валю. Он не привык к ее ворчанию и требовательно-назидательному тону. И он решил помочь товарищу, потому что с первого класса был уверен, что всякие выборные должности, кроме неприятностей, ничего не приносят.

– А зачем нам теперь командир? – спросил он.

– Чтобы наводить порядок! – вздернула голову Валя. – И заставлять таких, как ты, уважать товарищей.

– А я их что, не уважаю? – удивился Андрей. – Я даже очень уважаю. А тебя так больше всех. Но мы находимся на чужой планете. Может, у них совсем другие законы и... обычаи. Вот когда мы их узнаем, тогда и начнем... дисциплинироваться.

– А ты что? Думаешь тут целый год сидеть? – в сердцах спросила Валя, потому что поняла: Андрей попросту вредничает, чтобы досадить ей. А вот зачем это ему нужно, она не знала, но догадывалась, и это очень ее обижало.

Но ведь недаром говорят: если ты сердишься, то прежде чем сказать что-нибудь или сделать, досчитай хотя бы до десяти, а потом уж говори или делай. Потому что, пока ты считаешь, может оказаться, что уже готовые вырваться слова совсем не те, что нужны. Валя не считала, и потому ее слова оказались совсем-совсем не те...

Андрей переглянулся с Виктором, и оба потупились. В самом деле, сколько времени они будут пребывать на планете Мёмбе? Когда и как они доберутся домой?

Конечно, наверное, можно привыкнуть и к этой планете – ведь живут же на ней умные и, по всему заметно, неплохие люди. И все-таки своя Земля лучше... Кому

охота всю жизнь жить в пусть удобных и интересных, но все-таки костюмах или становиться серебряным? Может, это и красиво, но... но лучше уж оставаться белыми... Точнее, смугловатыми. И кроме того, на Земле жили родные... Что ж, что временами они оказывались и несправедливыми и далеко не всегда понимали ребят, но они были родными. Такими, кто в трудную минуту жизни и поможет, и поддержит, и... Да что тут говорить! Просто родные – и всё!

Эх, ты! – поморщился Андрей, глядя на Валю. – Всё настроение испортила.

Он быстро собрал со стола тарелки, приборы и стаканы и сунул их в дверцы-форточки в стенах, закрыл их и задумался.

Когда Андрей задумывался, а это случалось не так уж часто, следовало ожидать его необыкновенных действий, потому что его мысли, слова шли всегда только чуть-чуть впереди дела, поступка. А думал он о том, что следовало бы ускорить возвращение на Землю. Но каким образом, естественно, не знал и не мог знать, потому что почти ничего не знал об этой самой планете Мёмба.

Валя и Виктор тоже уселись на свои койки и задумались о будущем. Но известно, когда долго думаешь, всегда почему-то хочется спать. И нет ничего удивительного в том, что они поначалу прилегли на кровати, а потом, не придумав ничего путного, стали тихонько посапывать.

Андрей посмотрел на товарищей с недоумением и обидой: надо же, как дружно стали похрапывать... Даже завидно. Ведь вместе летели, вместе спали, вместе ели и пили. Но эти спят, а ему сон ни в один глаз не то что не идет, а даже не приближается. Андрей не знал, что заботливые серебряные люди прибавили в молоко малую толику снотворного. Андрей не пил молока, и спать ему не хотелось.

Но он этого не знал. Он понял, что раз именно он оказался крепче других, то именно он и должен прежде всего ускорить возвращение на Землю. А для этого ему прежде всего следует как можно больше узнать о планете Мёмба. Вот почему он колебался не слишком долго. Встал, подошел к гладко-ровной стене и начал ее ощупывать как раз в том месте, на которое нажимала самая серьезная из серебряных женщин. И он, конечно, нашел то, что хотел.

Дверь медленно отошла и скрылась в стене. Перед Андреем открылся маленький, слабо освещенный коридорчик, в конце которого маячила другая дверь – металлическая и даже на вид очень тяжелая. У этой, второй, двери, как и положено, виднелась ручка. Конечно, каждый нормальный человек в нормальных обстоятельствах, на нормальной планете оставил бы за собой первую дверь, подошел бы ко второй, нажал бы на ручку... и открыл бы эту вторую. Но Андрей знал свой напористый характер, который не раз ставил его в трудное положение, и потому нашел в себе силы не спешить.

Он осмотрел дверь, вернулся в многоугольную комнату, взял стул и поставил его между открытой дверью и притолокой. Мало ли что может сотворить незнакомая автоматика на незнакомой планете. А так, если даже первая дверь начнет автоматически закрываться, она упрется в стул и остановится. Тогда путь для отступления останется открытым.

Вторая, металлическая, дверь оказалась обыкновенной. Андрей повернул ручку, толкнул, и дверь мягко, не скрипнув, открылась. Перед Андреем Антоновым раскинулась манящая даль неизвестной планеты – залитые оранжевым, словно закатным, светом синевато-зеленые поля, сады и рощи, желтовато-серебряные здания и странное, голубовато-оранжевое, небо с чуть заметным фиолетовым отливом.

Всё было вроде бы и привычно – здания, поля, деревья, и в то же время непривычно и необычно – цвета казались знакомыми и незнакомыми, деревья как деревья, а словно бы без листьев: прямые или изогнутые ветви, их пересечения казались четкими, как карандашный рисунок.

Поля, они и есть поля. Засеяны какой-нибудь одной культурой и потому выглядят как нарисованные. А здесь поля тоже казались не только будто нарисованными, но еще и отлакированными – они блестели ярко и тревожно. И еще одна странность. На Земле поля были понятными, преимущественно прямоугольными. А на Мёмбе каждое поле отличалось от соседнего. Треугольники, многоугольники, овалы и смесь этих фигур. Зачем и кому нужна такая пестрота?

«Ну что ж... – подумал Андрей. – А ты хотел, чтобы на Мёмбе было всё, как на Земле? На нашей Земле в разных ее местах тоже, наверное, не всё одинаково. А тут и подавно».

Он вздохнул и почувствовал, что воздуха ему не хватает. А может быть, как раз наоборот – воздуха казалось слишком много. Во всяком случае, грудь сдавило, кольнуло сердце, и голова стала мягко звенеть и слегка кружиться. Всё это было так неожиданно, что Андрей поначалу растерялся, потом слегка испугался и сделал даже шаг назад, к двери. Когда он понял, что спасается, потому что он испугался – он испугался еще сильнее. Настоящий парень никогда не согласится быть трусом.

«Капюшон! – вспомнил он. – На костюме есть капюшон, а в костюме – фильтры!»

Он быстренько натянул на голову капюшон, заправил и застегнул прозрачную маску. Дышать стало легко и просто. Головокружение прошло. Вот теперь Андрей осмотрелся. Оказывается, и вправо и влево от стальной двери шел длинный коридор, галерея. В одной стене виднелись металлические и обыкновенные двери. А второй стены как бы не существовало – во всю длину коридора, без всяких переплетов и рам тянулось сплошное стекло, а уж за стеклом – лужайки и всё то, что поначалу увидел Андрей.

Лужайки пересекало несколько каменных разноцветных тропинок. Они вели прямо к стене, и не требовалось быть следопытом, чтобы понять, что там, где тропинки упираются в стеклянную стену, имеются выходы. И Андрей без труда нашел один из них, толкнул стеклянную дверь, а потом спокойно, как будто из своей квартиры, вышел на разведку неизвестной планеты.

Глава седьмая

ВСЁ НЕ ТАК, КАК НА ЗЕМЛЕ

Цветные тропинки вели к пустынной дороге. Она поблескивала, как река в солнечный день, между голубовато-зеленых берегов лужаек, газонов и ярко-красных тротуаров. Самое удивительное, что Андрей не увидел ни одного столба со светильниками.

«Что ж у них тут, ночи не бывает? – подумал он. – А может, им просто не разрешают ходить в темноте?»

Однако и ярким днем жители планеты Мёмба тоже не спешили показываться на улице. Даже машин или каких-нибудь там велосипедов и то нигде не обнаруживалось. Тишь да гладь...

«Может, нас привезли в какой-нибудь секретный, необитаемый город? Или на остров?» – с тревогой подумал Андрей и, сам того не замечая, пошел по голубой тропке и красному тротуару.

И тут откуда-то слева послышался странный звук. Он был не то что знакомый – если бы он был хорошо знаком, Андрей сразу бы определил, что это за звук, – а скорее полузабытый. Как будто нечто подобное Антонов и слышал на Земле, но так давно и редко, что забыл, кому он может принадлежать. А drobный, звонкий звук всё приближался, и на дорогу из-за придорожных кустарников выехал самый обыкновенный всадник. Красная рубаша, синие штаны и белая широкополая шляпа. Не то ковбой, не то гаучо, а скорее всего, киргизский или казахский пастух. Лицо у него было совсем мальчишеское и, конечно, серебряное. Оно так и блестело на рассеянном свету.

В кино Андрей видел всадников и поживописней, и с пистолетами на боку, и с саблями, и с пиками, и в самых невероятных одеждах! Но удивил его не столько всадник, сколько лошадь... Впрочем, это, кажется, была не лошадь. С земной точки зрения по дороге стучал темными копытами невообразимый урод: некая помесь лошади – у него была явно лошадиная голова и лошадиные ноги – и коровы: у уroda имелось большое серебристое вымя и длинный коровий хвост с метелочкой на конце. Но в то же время урод этот походил и на верблюда, и на яка, и на буйвола – на спине у него и у загривка горбились два больших и, видимо, жирных бугра, между которыми и сидел всадник на легком седле.

Тело урода раза в полтора было длиннее, чем тело лошади или коровы, не говоря уж о верблюде. Наверное, именно поэтому урод имел шесть ног. Четыре, как и положено настоящему, уважающему себя парнокопытному животному, росли по концам туловища, а еще одна пара – посредине.

Беспечно перебирая всеми шестью ногами и рассыпая вокруг твердый костяной стучок, урод бежал по мостовой, помахивал хвостом и весело поглядывал по сторонам. Он-то и заметил Андрея, покосился на него синеватым выпуклым глазом и не то что пискнул, а заверещал на очень высокой и тревожной ноте. Всадник повернулся и увидел Андрея. Взгляды их встретились, глаза всадника расширились, очень уж алый на серебряном фоне рот приоткрылся. Сразу можно

было понять, что всадник человек мыслящий.

И в самом деле, не прошло и минуты, во время которой подседельный урод нервно и торопливо перебирал всеми шестью копытами, как всадник радостно улыбнулся и заорал:

– Так ты с того света?! – и ткнул рукой в небо.

– С какого это еще того света? – обиделся Андрей. – Я с нормального света. Это у вас тут всё наоборот. А у нас всё правильно.

– Брось! – закричал серебряный мыслитель и стал слезать со своего шестиногого уroda. – Мы же вас по телевизору видели. Ты кто – парень или девчонка? – спросил он, спрыгнув, наконец, со своего «чудо-коня». Подседельный урод предусмотрительно отошел на несколько шагов в сторону. – Тебя отпустили или сам сбежал?

– Я – парень! – гордо ответил Андрей, но сейчас же несколько смутился. – Просто пошел прогуляться. Посмотреть, что у вас тут и как...

– А ты с кем-нибудь из наших знаком?

– Да нет...

– То есть как это? И да и нет? – удивился всадник. – У нас так не говорят.

– А как у вас говорят?

– Либо да, либо нет. А то если по-вашему, так и не поймешь – знаком ты с кем-нибудь из наших или не знаком.

– Видишь ли, – снисходительно пояснил Андрей, – к нам в комнату приходили какие-то женщины, и мы разговаривали с ними. Так что мы как будто знакомы. И еще мы беседовали с вашими учеными. Тоже как будто знакомы. Но ни женщины, ни мужчины-ученые даже не сказали, как их зовут, кто они и чего они хотят. Так что у нас говорят правильно: «да», «нет». Мы как будто и знакомы и в то же время незнакомы.

Всадник опять приоткрыл рот. Он думал. А когда обдумал, то радостно закричал:

– Тогда всё правильно. А меня зовут Крайс. А сокращенно – Крайски. Понял? А тебя?

– Меня зовут Андрей, а сокращенно... вернее, ласкательно – Андрюша.

– Ха! – закричал Крайс. – У вас, выходит, тоже по-чудному: уменьшительное имя длиннее, чем полное. Я как раз на этом и провалился. Сдавал за пятый год родной язык и так и не мог понять, почему это, когда люди хотят приласкать, так они удлиняют имя? Ты не знаешь?

– Не знаю... – признался Андрей. Ему начинал нравиться этот ярко одетый серебряный мыслитель.

– Ну вот я так и ответил. Все суффиксы и окончания, конечно, вызубрил, а тут признался: не понимаю – и всё. Так старшие, когда проверяли знания, засмеялись и сказали: «Подожди, подрастешь и поймешь». Интересно, когда же я подрасту настолько, чтобы понять? Как ты думаешь?

– А тебе сколько лет? – спросил Андрей.

– Девять. А что?

– Прикинул, сколько тебе подрастать. Выходит, долго, – так сказал Андрей, но подумал иное: «В девять лет он сдавал за пятый год... Что ж они тут, с четырех лет начинают учиться? И потом – экзамены... Неужели у них каждый год экзамены? Странно...» Но вслух он спросил:

– Ну и что? Перевели тебя в следующий класс?

– А... А что это такое – «следующий класс»? – удивился Крайс.

«Вот это да! – тут уж удивился Андрей. – Здоровый парень, а не знает, что такое класс. Как же они тут учатся?»

– Ну раз ты учишься в школе... – начал было Андрей, но Крайс перебил его:

– А что такое школа?

Теперь у Андрея открылся рот и глаза стали выпучиваться. В девять лет знать, что такое суффиксы и окончания, задумываться над такими сложными лингвистическими проблемами и не знать, что такое школа и класс?.. Непостижимо!

Но Крайс ждал ответа, и Андрей понял, что он не шутит. Он и в самом деле не знает, что такое школа. Как же ему растолковать, а главное, самому узнать, как они живут здесь, эти странные серебряные люди?

– Ну вот ты... Куда ты сейчас... ехал?

– Я? На работу, – тряхнул шляпой Крайс.

Что-то всё идет наоборот – девятилетний человек едет на лошади... или как она там называется? Корова? Лошадобык? Ведь есть же на Земле овцебык, так, может быть, это лошадобык? Но тут Андрей запутался...

Шут с ним, с этим самым животным, важно другое – девятилетний ребенок едет на работу. Вот что главное. Значит, если немного припомнить историю и кое-что из того, что писала «Пионерская правда», то можно смело делать вывод: здесь у них дремучий капитализм со всеми признаками колониализма, а может быть, даже феодализма и рабовладения.

А может, он просто разыгрывает? Может, у них работой называется какая-нибудь игра?

– Так... Хорошо... И где ж ты работаешь?

– Я? В поле.

– Та-ак... И что же там ты делаешь?

Крайс смотрел на Андрея с недоумением. Он чувствовал, что пришелец с чужой планеты не верит ему, но не понимал почему: ведь он говорит святую правду. Неужели у них, на той далекой планете, совсем другая жизнь? Ведь он почти такой же, этот Андрей. Только не серебряный, а белый. И наверное, постарше. Может, потому и старается казаться умным? Это бывает... Бывает и на Мёмбе. Но тогда таких сразу осаживают.

– Сегодня у меня дел не так уж много. Нужно определить влагозапас в почве, проверить, каких микроэлементов не хватает. А уж после этого полить, если нужно, и опять, если нужно, подкормить. Ну и, кроме того, мне нужно повторить геометрию.

– Тоже в поле?

– А где ж еще? Пока буду поливать, повторю и еще, наверное, успею посоревноваться с Требоном.

– А это кто такой?

– А это мой дружок из другого полушария. Мы с ним созвонились как-то и теперь соревнуемся.

Поскольку Крайс упомянул соревнование, Андрей несколько расслабился. В его глазах исчезло недоверие, и Крайс сразу же уловил это. Он предложил:

– Знаешь что? Поедем со мной. А? Посмотришь поля. Поскачем немного.

– А у тебя другая... другой... такой есть?

– А мы сейчас съездим на дойку и возьмем второго лятую. Там и седло надуем. Садись сзади меня.

В конце концов Андрей вышел из восьмиугольной комнаты для того, чтобы поскорее узнать жизнь на неизвестной планете, и уж раз подворачивается подходящий случай, отказываться от него было бы неразумно. С помощью Крайса он взобрался на лятую, и они поехали в ту сторону, откуда приехал Крайс.

Глава восьмая

ВСЁ НАОБОРОТ

Когда-то Андрей читал, что неумелый седок не только сам устает и набивает себе известное место, но и сбивает спину лошади. А чтобы этого не случилось, люди придумали седло и стремяна к ним. Наездник сидит в седле, а ногами упирается в стремяна. Когда лошадь начинает очередной шаг, нужно опереться на стремяна и приподняться, а когда она уже сделает этот шаг, опять мягко опуститься в седло. Дело это нелегкое, недаром на Земле конный спорт считается одним из труднейших.

Андрей смело взобрался на лятую, но, устраиваясь на его широкой спине, вспомнил, что, когда наездник ездит без седла, это называется «ехать охлюпкой». А ему не хотелось быть охлюпкой, да еще не на лошади, а на каком-то шестиногом уроде-лятуе. И он заерзал, понимая, что ему придется нелегко. Но ведь всякий путешественник, в том числе и поневоле, должен переживать трудности. Без них не бывает ни приключений, а значит, ни романтики, ни путешествий. Но на всякий случай он пробурчал:

– Неужели у вас машин нет? Или хотя бы велосипедов, чтобы ездить на работу?

– Машин – навалом. Бери любую. Но зачем и кому это нужно?

– Как это зачем? – удивился Андрей, который мечтал поводить когда-нибудь автомобиль. – Ведь это ж здорово: сел в машину и поехал на работу или там в школу.

– Кстати, ты мне так и не объяснил, что такое «школа» и что такое «класс». Но сейчас дело не в них. А дело в том, что, когда ты ведешь машину, ты ведь не посмотришь по сторонам, не подумаешь о чем-нибудь постороннем. Тебе всё время нужно следить за дорогой, за поведением машины, соображать, где повернуть, где сбавить скорость, где прибавить... А на лятую всё очень просто. Сел, поехал в поле или там на реку. Сиди и рассматривай окружающее. Всё остальное за тебя сделает сам лятуй – и дорогу выберет, и скорость прибавит и

убавит... Да и другое. Для машины нужна энергия, а лятуй – сам энергия. А потом, просто приятно проехаться. Но! – крикнул Крайс. – Вперед!

Лятуй покорно развернулся на месте и трусцой направился в известное ему и Крайсу место.

Бежал он легко и очень плавно, так, что Андрей почти не подпрыгивал. Но все-таки хоть маленько, а прыгал и шлепался на спину лятуя. Чтобы шлепки были не так уж опасны, он старательно сжимал бока животного внутренней стороной ног – шенкелями, как говорят наездники.

Лятуй резво свернул с дороги к небольшому, приземистому зданию, за которым высились башни, и остановился. Перед зданием у дверей стояли несколько лятуев и мирно махали длинными хвостами. Другие выходили из здания и брели в сторону полей или лугов... Крайс спрыгнул с седла и побежал к тем, уходящим, поймал одного из них за хвост и потянул на себя. Лятуй обернулся и, переступив всеми шестью ногами, пошел за Крайсом.

Крайс снял с полки под навесом какую-то тряпку и кинул Андрею.

– Надувай седло!

Сам стал на приступочки, взял уздечку и взнуздал лятуя. Когда они оседлали шестиногого скакуна, Крайс спросил:

– Ты на каком поедешь, на моем или на этом?

– Я? На этом, – решил Андрей и подвинулся к новому знакомому – лятую.

– Хорошо. Только ты сначала его не гони. Потихоньку. Привыкни.

Они медленно поехали по мягкой полевой дороге-тропке к далеким полям. Андрей спросил:

– А зачем они сюда приходят?

– К доильне? Доиться.

– Как это доиться? Сами?

– Конечно! – Крайс внимательно посмотрел на Андрея и вздохнул. – Я, понимаешь, всё забываю, что ты с другой планеты. Тогда уж я тебе сразу всё объясню. Когда-то, очень давно, наши предки прилетели на Мёмбу, потому что наше солнце стало остывать и нашей старой планете не хватало тепла. А здесь его – хоть отбавляй. Но на Мёмбе люди застали полное разорение. Мёмба, видно, попала когда-то в метеоритный поток, и вся ее суша была будто перепахана кратерами и завалена обломками скал и метеоритов. Но климат нашим здесь понравился. Начали они сюда переезжать и привезли нужных животных. Но вот беда – все наши животные были четвероногими и постоянно ломали ноги. Вот тогда-то биологи и вывели лятуев. Среди всех ям, воронок и кратеров они всегда стояли на четырех ногах, а двумя другими нащупывали точку опоры. Понял?

– Понятно. Они стали как бы... гусеничными.

– Н-ну... примерно. Потом наши предки выровняли часть планеты, лятуев вроде бы можно было и заменить, но они оказались очень приспособленными и милыми. А потом биологи еще поработали, и вот лятуи теперь заменяют всех других животных. У них длинная мягкая шерсть, и стригут ее два раза в год. Они дают отличное молоко. Они прекрасные работники, но, правда, не слишком быстрые скакуны: ногами путаются. Что-то биологи не додумали. Рысью еще бегают, а как в галоп, так и запутываются. Что-то у них в управляющих центрах мозга не срабатывает. Биологи, конечно, докопались бы и до этого, но зачем? Галопа от них и не требуется. Они хороши при езде на короткие расстояния, на прогулки, на мелкие работы в поле, в садах... А на крупных работах – там, конечно, машины. Ну вот... И еще они дают вкусное сало. – Крайс потрепал лятуя по подушке – горбу. – Отличное животное.

– Ну, а доильня?

– Ах да, доильня... Видишь ли, раньше, когда у нас было много разных животных, скот содержали в специальных помещениях, за ними ухаживали специальные люди. Животным, как барам, подвозили корма, заботились, чтобы они не простудились, мыли, чтобы они были чистенькими. Словом, скоты постепенно становились хозяевами, а люди возле них как бы прислугами. Вот наши и подумали – а зачем?

– То есть как это зачем? Чтобы получить от них мясо или там молоко.

– А что, животные без всех этих забот не наращивают мясо или не дают молока? Ведь им что надо? Корм. Простор, чтобы побегать, порезвиться. Кстати, когда животные содержались в помещениях, как отдыхающие, так они стали вырождаться, мяса от них было мало, больше жира. Молоко тоже не то... Животному нужно движение. Ну вот... Что сделали наши? Когда выровняли планету, создали пастбища и пустили на них лятуев – пусть гуляют. Но ведь на пастбищах соль не растет? Микроэлементы тоже не производятся. А без них лятуям живется плохо. Организм не развивается. Так вот, соль, микроэлементы, самые вкусные искусственные корма стали давать им только в доильнях. И строго в определенный час. Вот они и выработали условный рефлекс. Как только подходит время, они со всех ног бегут к доильне, к кормушке. Станут к кормушкам, а снизу поднимается доильный аппарат. Лятуй аж визжит от двойного удовольствия.

– Почему двойного?

– А потому что они любят доиться. И если случайно аппарат испортится – ребята недосмотрят, – они даже болеют, недоенные. Вот так всё и идет. Лятуй сами кормятся, сами о себе заботятся и сами доятся.

– Слушай, а откуда ты всё это знаешь?

– Ты что? С другой планеты? – удивился Крайс и рассмеялся. – Опять забыл, что ты с другой планеты. Тут, понимаешь, как... Вот я сейчас занимаюсь кормами для лятуев и зерновыми. На хлеб. Но уже через год, когда мне будет десять лет, я перейду на обслуживание лятуев. Буду их лечить, подкармливать во время стойбищного периода – словом, стану лятуеводом. Года на два. Вот почему я уже сейчас к ним присматриваюсь и занимаюсь.

Кое-что начинало проясняться. Но проясняться так, что Андрей запутывался всё больше и больше. А ему хотелось понять, как же все-таки живут серебряные люди. Вот с лятуями ему всё ясно. Тут, главное, разумность. В самом деле, зачем ухаживать, если они могут обходиться без ухода? Зачем их доить, если они и сами могут доиться? Тут всё правильно. Непонятно одно: как позволяют взрослые работать таким ребятам? И что, спрашивается, делают тогда взрослые, если ребята выращивают на полях корм для лятуев и хлеб для всех?

– Ну хорошо, – сказал Андрей, – это я понимаю. Ну, а когда ты кончишь возиться с лягушками, тогда ты куда пойдешь?

– Я тогда займусь машинами. Или уйду в море. – Крайс засмеялся. – У меня ж тоже такой же, как у тебя, костюм. А потом пойду на строительство. Потом снова к машинам, но уже на заводы. Делать машины или на фабрику их обслуживать.

– Ну, а потом?

– А потом, как все, – начну учиться.

Андрей невольно дернул за поводья, и лятуй покорно остановился.

– Ты чего? – удивился Крайс.

– Как... учиться?

– Ну как, как... Как все. У нас же как? Совсем маленькие возятся с цветочками, потом – на огороде, потом, вот как я, – в поле, а потом уж, как я сказал. А уж когда вырастут – будет им лет по двадцать пять – тридцать, – тогда начинают учиться.

– Но слушай... они же старые... становятся. Учиться же нужно маленьким.

– Почему?

– Ну... как... почему? Чтобы знать, – лепетал Андрей. Он решительно не понимал того, что делается на этой планете.

– Чтобы что знать?

– Ну... всё...

Крайс весело рассмеялся.

– Чудак. Знать всё – невозможно. Познать всё – тем более. Да и кто точно знает, кем он будет, когда он вырастет. А? Ты знаешь?

– Не знаю... Но... я мечтаю.

– Ха! «Мечтаю»! Сегодня об одном, завтра о другом. А потом и вовсе о десятом. И, наконец, пока ты вырастешь, окажется, что то, о чем ты мечтал, вовсе и не нужно.

– А так бывает?

– Ну, а как же! Ведь взрослые всё время учатся, познают всё новое и новое. Значит, то, что всем кажется, что оно нужно сегодня, завтра может оказаться и ненужным. Нет уж! У нас так: сначала научись делать, пойми, что к чему, а уж потом учись – дети тебя прокормят.

Ну, положим и на оставленной Земле взрослые тоже... не всегда бывают сахаром. И там они требуют порой от детей слишком многого. Но здесь! На Мёмбе! Это же ужас чистейшей воды! Эксплуатация детей, подрастающего поколения! Ишь как хитро придумали! Маленькие, они, конечно, протестовать еще не умеют. Профсоюзов у них нет, забастовок не объявят. Вот взрослые и пользуются... заставляют работать за себя. Вернее, на себя.

Но Крайс не знал об этих мыслях. Он добавил:

– Ведь у нас учатся для чего? Чтобы узнать что-то новое, что помогает жить и работать, делает жизнь интересней и красивей. Верно?

– Ве-ерно...

– Ну, а что нового, например, в теореме подобия треугольников, которую мне сегодня предстоит повторить и выучить? И тысячу лет назад она была такой же, и сегодня. Хочешь учи ее, хочешь не учи, а она всё равно такой же и останется. Вот на днях она потребовалась – новые поля нарезали, нужно было разработать порядок их вспашки. Я на глазок вижу, как это сделать, но если серьезно, чтобы дать задание тракторам, – не знаю. Приходится разбираться. Оно, само дело, показывает, что к чему. И потом... – Крайс помялся. – В клубе еще старшие

ребята поинтересуются.

– Но это ж ты всё равно учишься. Не знал теоремы, а теперь узнаешь.

– Это не настоящее учение. Это так... повторение известного. Просто стыдно жить и не знать то, что все знают. Они же на тебя, как на лягу, смотреть будут. Все давно изучили, а ты не знаешь... Стыдно. И – неинтересно. Ни поговорить, ни поспорить... А вот когда человек копается, учится совсем новому делу, которого еще никто не знает... ну, например, новый сорт растений выводит, – вот это интересно! Вот это настоящее учение! Потому что он учится у самой природы, разгадывает ее. Научится чему-нибудь действительно новому и расскажет всем людям. И они пользуются этим.

– Послушай, но ведь это уже не учение. Это же исследование, – возразил Андрей, и на душе у него несколько отлегло. Выходит, что взрослые все-таки кое-что полезное делают. Не только дети.

– А-а! – махнул рукой Крайс. – Ты никак не поймешь. Учиться можно только новому, а то, что мы делаем, – это всего лишь повторение уже узнанного, достигнутого. Просто мы копируем. Понимаешь?

Нет, Андрей понимал далеко не всё. Ясно было только одно – Крайс либо путает исследования с учебой, школу с научно-исследовательским институтом, либо у них на планете научная работа называется по-другому, чем на Земле. И он так и сказал. Крайс опять махнул рукой:

– Ладно... Всё равно всё сразу не поймешь. Давай помчались.

Он пришпорил лягу и потрусил узенькой полевой дорожкой к раскрашенному в разные цвета небольшому, похожему на садовый, домику. Андрей поскакал сзади. Ветер ударял в грудь, клубилась оранжевая пыль из-под копыт, и великолепно было мчаться по этим странным полям чужой планеты. Жалко, что на нем был костюм. Он почти не чувствовал дуновения ветра, запахов и всего того, что особенно приятно в скачке.

Сейчас он уже не думал, что на Мёмбе живут наоборот. Может быть, всё обойдется – люди здесь, видно, умные, если девятилетний парнишка знает и умеет столько.

Впрочем, что умеет Крайс, Андрей, в сущности, еще не знал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/melent-ev_vitaliy/obyknovennaya-memba

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)